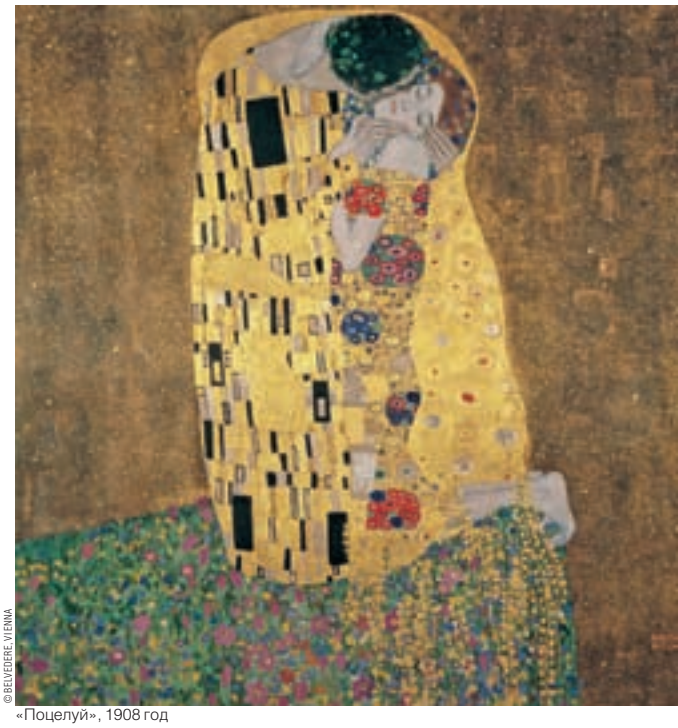
Танатосом, между славой и непризнанностью. Запутавшийся в любовницах, в кои записывают и госпожу Блох-Бауэр, к чему, правда, писанная с нее «Юдифь» дает некоторые основания, даром что любая модель Климта выглядит так эротично, что подозрения рождаются сами собой. И любящий — будто бы платонически — лишь одну, черты которой узнают в «Поцелуе». Вечно кого-то хоронящий — отца, брата, сына, мать, возлюбленных. Осыпанный золотыми медалями Всемирных выставок и насмешками критики, награжденный императорским орденом и обвиняющийся в порнографии. Но оперетта — этот истинно венский жанр — куда больше подошла бы Густаву Климту, ведь он и есть сама Вена.

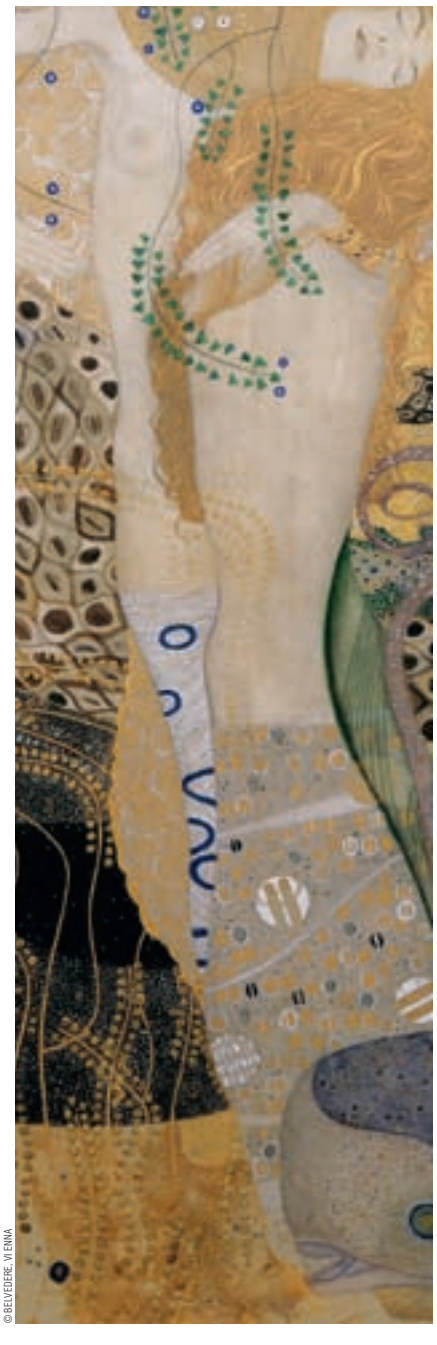
Вена «Кавалера розы» и «Человека без свойств», Вена «Traumdeutung» и «Traumnovelle», Вена «Широко закрытых глаз», потому что сквозь нью-йоркскую пелену в этом кубриковском городе, изнывающем в любовной истоме, все равно проглядывает Вена. Вена золотого «кочана капусты», торжественно нахлобученного на египетские пилоны сецессиона, и распутных шрифтов Ver Sacrum. Вена орнаментов «Бетховенского фриза», не стесняющихся обнажать плоскость стены, сколько ни затягивай ее узорами змеиных кож и павлиньих перьев. К этому «орнаменту как преступлению» Климт, сын ювелира, выучившийся в ремесленном училище на мастера монументально-декоративной живописи, шел от тяжеловесного академического иллюзионизма росписей Burgtheater и Kunsthistorisches сквозь текучесть линий египетского рельефа и золото равеннских мозаик.

Группы климтовских орнаментов на плоскости холста, складывающиеся в поля маков, буковые рощи, яблони в цвету или густую рябь на глади Аттерзее, в смертельные объятия подруг, водяных змей, адамов и ев, в извивающихся в экстазе саломей и данай, сегодня легче всего объявить искусством тугого кошелька и дурного вкуса. Искусством китча, благо они так хорошо ложатся на плоскость магнита для холодильника и прочих музейных сувениров. Но когда тугие кошельки неарийского происхождения покупали у Климта его шпалерно цветущие альпийские луга и заказывали ему портреты жен в образе измученных половым вопросом Саломей и Юдифей, все это еще не успело стать китчем, зато было очень звонкой пощечиной хорошему аристократическому австро-венгерскому вкусу. Интеллектуальной модой прогрессивного меньшинства, отправляющегося рассказывать свои эротические сны на кушетку к некоему доктору-оригиналу или слушать очередную авангардную премьеру в оперу, директор которой, перейдя в католичество, так и остался красной тряпкой для блюстителей национальной чистоты и эстетической благопристойности.

Вена, Бельведер, по 6 января

© BELVEDERE, VIENNA
«Адам и Ева», 1917 год


© BELVEDERE, VIENNA
«Поцелуй», 1908 год


© BELVEDERE, VIENNA
«Водяные змеи I», 1904–1907 годы

© BELVEDERE, VIENNA
«Маковое поле», 1907 год